

ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ В «ЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ» Э. ГУССЕРЛЯ

В. А. Лобастова

Чистую феноменологию переживаний Гуссерль создает, частично опираясь на дескриптивную психологию Ф. Brentano. Заимствуя некоторые идеи своего учителя, такую, например, как интенциональность сознания, он их критически пересматривает, подчеркивая независимость феноменологических положений от эмпирического опыта, и таким образом показывает, что связь феноменологии с психологией преходяща. Прежде всего Гуссерль подвергает критическому рассмотрению предложенную Brentano структуру психического акта, в которой находит некоторые погрешности, весьма существенные в гносеологическом отношении.

Замкнутая по своей форме структура психического акта, в которой он направлен на свой объект и одновременно на самого себя, состоит из двух тесно переплетенных друг с другом актов разных по виду восприятий, а именно внешнего и внутреннего. Тем самым в трактовке сознания Brentano придерживается новоевропейской философской традиции, в рамках которой Р. Декарт различает мыслящую и протяженную субстанцию, а Дж. Локк вводит два класса восприятий — ощущение и рефлексию.

В дескриптивной психологии Brentano существенным для разделения восприятий является поиск очевидного и несомненного знания, которое, по мнению Brentano, может быть предоставлено только внутренним восприятием, тогда как внешнее восприятие по природе своей обманчиво, а значит, способно вводить в заблуждение. Присущий внутреннему восприятию признак очевидности как неоспоримой достоверности придает всему психологическому исследованию дескриптивный характер, который открывает имманентный мир психического опыта познающего субъекта, свободный от всех предположений относительно трансцендентных, метафизических реальностей. Поэтому Brentano интерпретирует сознание как «непрерывное внутреннее восприятие». Следовательно, если восприятие понимать как способное конституировать действительное бытие воспринятого объекта, то внешнее восприятие, по мнению Brentano, вообще нельзя назвать восприятием. Кроме того, разделение восприятий на внешнее и внутреннее, вызванное различным способом их образования, с неизбежностью влечет за собой разделение соответствующих им физических и психических феноменов.

© В. А. Лобастова, 2008

Вопреки точке зрения Brentano Гуссерль утверждает, что при «нормальном» понимании понятий внутреннее и внешнее восприятие имеют совершенно равный гносеологический характер, т. е. могут быть как очевидными, так и неочевидными. «Нормальное» же понимание и правильное использование понятий затруднено ввиду их двусмысленности, которая нуждается в феноменологическом прояснении. Чтобы не быть голословным, Гуссерль указывает на то, что явление, например, как таковое — понятие весьма многозначное, которое можно понимать, во-первых, как конкретное переживание (или акт) созерцания, во-вторых, как созерцаемый (или являющийся) предмет и, в-третьих, как имманентные составные части конкретного переживания, т. е. ощущения или пережитые моменты, соответствующие, но не тождественные свойствам являющегося предмета. Точно так же в прояснении смысла нуждается понятие *феномен*, которое может обозначать, во-первых, являющийся предмет и его свойства, во-вторых, ощущения, конституирующие акт восприятия, будучи его имманентными составными частями, а в-третьих, все переживания вообще, понимаемые как акты сознания, так и не-акты. По мнению Гуссерля, Brentano к физическим феноменам относит как являющиеся внешние предметы, так и ощущаемые или чувственные содержания восприятия, ибо под ощущениями он понимает *акты* ощущения и противопоставляет им ощущаемые, чувственные содержания. Такое понимание Гуссерль считает неверным, ибо ощущение, или чувственное содержание, как и любое имманентное, неинтенциональное содержание, есть, на его взгляд, «носитель интерпретации».

Критикуя разделение восприятий на внешние и внутренние, Гуссерль рассуждает следующим образом: неочевидно, конечно, восприятие физического феномена, понятого как физическая вещь, тогда как восприятие чувственного содержания, имманентно присущего самому восприятию, бесспорно будет очевидным. При восприятии внешнего предмета, например дома, комплекс ощущений, или чувственное содержание, в акте восприятия переживается, но не воспринимается. Заблуждение относительно существования дома переходит соответственно и на существование пережитого, но не воспринятого чувственного содержания. В случае же рефлексивного восприятия чувственного содержания недоступным становится восприятие внешнего предмета. Следовательно, говорит Гуссерль, чувственные, или «физические», содержания могут восприниматься с очевидностью наряду с очевидным восприятием «психических» содержаний, а это означает, что и внешнее восприятие может быть очевидным. Здесь, конечно, спор идет относительно понимания сущностной природы самой очевидности, в котором Гуссерль ратует за аподиктическую очевидность, тогда как Brentano удовлетворяет и ассерторическая очевидность.

Также и определение Brentano физических феноменов как существующих интенционально и феноменально, а психических феноменов как существующих интенционально, но действительно, кажется Гуссерлю неубедительным хотя бы потому, что такое определение феноменов вытекает из неверного с точки зрения Гуссерля толкования Brentano природы очевидного восприятия. В своем феноменологическом исследовании Гуссерль отказывается от разделения феноменов на физические и психические и просто определяет феномен как являющийся предмет как таковой, а вместо понятия *психический феномен* использует понятие *интенциональное переживание*, стараясь тем самым избежать двусмысленности понятия *психический феномен*, понимаемого и как акт, и как не-акт.

Скорее всего, по мнению Гуссерля, внутреннее и внешнее восприятия определяются у Brentano больше через понятие физического и психического, но никак не выражают гносеологическую противоположность между очевидным и неочевидным восприятием. Относительно признака очевидности Гуссерль предлагает делить восприятия на адекватные и неадекватные. Гуссерль полагает, что сущность восприятия как интенционального переживания состоит в понимании собственного имманентного содержания относительно полагаемого или подразумеваемого интенцией предмета. При адекватном восприятии ощущаемое *содержание* одновременно есть *предмет* восприятия, при неадекватном восприятии содержание и предмет расходятся. Содержание репрезентирует то, чего в нем нет, но что аналогично ему целиком или отчасти.

Итак, какова же структура актов сознания или его интенциональных переживаний, которую Гуссерль предлагает в своем феноменологическом исследовании, иначе говоря, каково понимание Гуссерлем интенциональности сознания с точки зрения феноменологии? Однако чтобы обратиться к описанию чисто феноменологической структуры интенционального переживания, которая весьма существенно отличается от психологической структуры психического акта, следует уделить немного внимания тому, как Гуссерль комментирует точку зрения Brentano относительно понимания природы сознания как такового и в какой мере ее принимает.

В психологической интерпретации Brentano природы сознания как такового Гуссерль выделяет три «сходных и легко спутывающихся понятия сознания», которые, всесторонне характеризуя сознание и его деятельность в целом, различным образом подчеркивают основное свойство, присущее сознанию, а именно наличие у него интенциональности. Прежде всего сознание можно понимать как «обобщающее обозначение для всякого рода «психических актов» или «интенциональных переживаний» как переживаний вообще. Из этого понимания вытекает интерпретация сознания, в которой сознание может быть определено и как «внутреннее обнаружение собственных психических переживаний», как самонаблюдение или интроспекция, и как «общее имманентно-феноменологическое состояние эмпирического Я», «переплетение психических переживаний в единстве потока переживаний».

С психологической точки зрения переживать внешние события — значит иметь определенные, направленные на эти события акты восприятия. Сами переживания, как пережитые (или осознанные) содержания сознания, как его имманентные части, конституируют сознание, переживающее свои переживания, т. е. относящееся к ним как к своим внутренним предметам. Внутреннее (или рефлексивное) восприятие, которое сопровождает любое переживание сознания, принадлежит к одному сознанию вместе с переживанием одновременно с ним данным. Единство содержаний сознания оформляется в закономерных связях одновременного и последовательного существования психических переживаний в непрерывном потоке сознания, т. е. конститутивным моментом, существенным и неотделимым от целого единства сознания, является форма представления времени, в котором движется поток сознания. Любая точка времени представляет целый временной горизонт потока в спектре настоящего, прошлого, будущего. Таким образом, временная фаза потока сознания, которая не только удерживает момент в настоящем, но и отсылает к ближайшему или отдаленному моменту в прошлом и будущем, обладает непрерывно идентичной формой, тогда как ее содержание постоянно меняется.

По мнению Гуссерля, единство сознания — в качестве комплекса рефлексивно схватываемых переживаний — составляет чистое Я как феноменологическое ядро эмпирического Я. Чистое Я, как остаток от редуцируемого эмпирического Я, выступает в качестве субъекта переживаний или актов, и направляющих Я на предмет, и вводящих предмет в сознание. Следовательно, феноменологическое содержание эмпирического Я составляет развивающееся во времени единство потока переживаний. В «Логических исследованиях» понимание Гуссерлем природы сознания остается еще не проясненным. Здесь его основной задачей является феноменологический анализ интенционального переживания как интенционального отношения к познаваемому предмету, а также описание разнообразных способов этого предметного отношения, среди которых основными выступают созерцание и мышление.

В качестве отличительного своеобразия, присущего всем интенциональным переживаниям, протекающим в сознании, выступает интенция или интенциональное отношение к являющемуся предмету, которое Гуссерль определяет как дескриптивную родовую характеристику любого акта вообще. Интенция, характеризующая акт как относящийся к представляемой предметности, составляет интенциональную сущность акта, но полнотой акта не исчерпывает. Конкретную полноту акту предоставляет его имманентное содержание, комплекс ощущений или также фантазмов. Это имманентное содержание само актом не является. Поэтому интенция или интенциональная сущность акта в единстве с переживаемым имманентным содержанием акта составляет полный конкретный акт, в котором интенциональное переживает имманентное содержание и на основании пережитого содержания полагает (или подразумевает) предмет как интенциональный (или интендированный, представленный в сознании) предмет.

В процессе такого переживания комплекс ощущений предметно интерпретируется или подвергается «объективирующему пониманию». «Объективирующее понимание», по мнению Гуссерля, есть не что иное, как «свойство акта», «способ сознания», посредством которого являющийся предмет становится интенциональным. Здесь ощущения и осознающие их акты переживаются, но не являются предметно, не воспринимаются. Предметы же являются, воспринимаются, но не переживаются. А потому воспринимающий субъект видит, например, цветную вещь, но никак не ощущение цвета.

Здесь важно отметить, что имманентное феноменологическое содержание акта, которое, по сути дела, находится в основании созерцания как наглядного или интуитивного способа представления интенционального предмета, может также служить основанием для идеации или идеирующей абстракции как идеального вида переживаний различной степени обобщения. И в этом основании, по мнению Гуссерля, может усматриваться идеальная сущность интенционального предмета, а также идеальные сущностные связи, возникающие в различного рода отношениях между интендируемыми предметами.

Фундаментальным феноменологическим различием называет Гуссерль различие между имманентным содержанием акта и его интендируемым предметом, так как интендируемый предмет по природе своей трансцендентен акту. Отношение к Я, выступающее у Brentano «как обосновывающее и дающее возможность очевидности», Гуссерль отказывается вносить в сущностное состояние самого интенционального переживания, полагая, что полнота ясности и очевидности может быть достигнута при обращении к «самим вещам». Однако в рамках этого различия между содержанием

и предметом акта благодаря интенциональному отношению между ними обнаруживается соответствие, а в случае адекватного восприятия — их возможное совпадение. Поэтому, замечает Гуссерль, *представление* интенционального предмета и *понимание* ощущений означает, по сути дела, одно и то же. Правда, возникающему в интенциональном переживании соответствию между имманентным содержанием акта и его интенциональным предметом недопустимо приписывать характер необходимой связи, ибо интенциональный предмет есть только полагаемый интенцией предмет, а не действительно существующий за пределами сознания.

Сознанию для проявления своей конституирующей функции, а также для своего собственного сущностного содержания нужен предмет представления. Интендируемый предмет, будучи целью различных меняющихся интенций, представлен в интенциональном переживании как предмет, определенный в совокупности присущих ему признаков. Воспользуемся примером Гуссерля: представление «немецкий император» подразумевает императора, а именно немецкого, который является сыном императора Фридриха III, дядей королевы Виктории и имеет еще другие разнообразные свойства, здесь не названные и не представленные.

Эти различные по своему содержанию интенции, направленные на один и тот же предмет, — интенции частичных актов, которые полагают предмет как тот же самый, но различными способами, и, кроме того, выстраивают единый акт с единой интенцией, конституирующей идентично представленный предмет со всеми выявленными у него аспектами. Частичные акты могут интендировать как отдельные части, в качестве которых выступают свойства конституируемого предмета, так и внешние предмету члены отношения, а также формы различных отношений, возникающих как между частями предмета, так и между предметом и его частями или другими предметами вообще.

Интенциональное отношение, интендирующее предмет, образует интенциональную сущность акта. Сама по себе интенциональная сущность акта, понимаемая как единство качества и материи, выражает не столько отношение к полагаемому предмету, сколько разнообразные способы отношения к нему, с помощью которых конституируется интенциональный предмет. Причем качество и материя как абстрактные моменты, составляющие интенциональную сущность акта, призваны выявлять эти разнообразные способы отношения к интенциональному предмету. И если качество характеризует скорее свойства акта, проявляющиеся в предметном отношении, то материя служит для конституирования самого интендируемого предмета, а также присущих ему свойств и признаков. Качество характеризует интенцию акта как представляющую, судящую, желающую, волящую и т. д., а материя придает интенции акта определенную направленность именно на этот предмет. Таким образом, акт определяется своим качественным характером и предметом, *который* акт должен интендировать и при этом то, как, в каком аспекте. Причем конституирование самого предмета с необходимостью предшествует его смысловой определенности, так как осмысление предмета должно относиться к соответствующему предмету как к своему носителю.

В единстве качества и материи, представляющем собой предметное отношение, материя фундирует качество, следовательно, не зависит от качественных изменений акта. Материя есть *смысл предметного понимания* (Auffassungssinn), идеальный смысл предметной интенции. По своей материи возможны интенциональные пере-

живания, направленные на один и тот же предмет (как, например, равносторонний треугольник и равноугольный треугольник), которые конституируют тот же самый предмет, но «различным способом», т. е. в разном смысле. Гуссерль также замечает, что единство интенциональной сущности не исключает возможность изменения в имманентном содержании, служащим основанием для интенции и вместе с ней составляющим полный акт сознания, который здесь благодаря наличию имманентного содержания можно отнести к классу интуитивных актов созерцания. Наряду с классом интуитивных актов Гуссерль выделяет класс сигнификативных или сигнитивных актов мышления, в интенциональных переживаниях которого отсутствует имманентное содержание, а это означает, что структура сигнитивного акта является неполной, т. е. сознание только интенционально полагает предмет, но интуитивно его не созерцает. Рассмотрим особенности неполной структуры актов сигнификации, в которой способ такого представления предмета Гуссерль называет «пустым», следовательно, нуждающимся в «наполнении».

Сигнитивный акт как таковой — комплексный акт, представляющий собой единство выражения и значения, которые переживаются в определенных актах. В основе этого единства лежит символ или знак, например слово, которое представлено в акте в виде физического объекта, т. е. либо как артикулированный звуковой комплекс, либо как знак, изображенный на бумаге. К акту представления слова присоединяется акт «означения», или «смыслодающий» акт, который наглядно представленный знак превращает в выражение, т. е. слово наделяет значением. Благодаря материи смыслодающего акта одно и то же имманентное содержание испытывает модификацию, а именно чистый символ преобразуется в знак, который мы понимаем.

Само значение, будучи в интенции акта «означения» смыслом предметного понимания, иначе говоря, способом предметного отношения, является интендирующим значением, т. е. полагает, а точнее, подразумевает предмет. Соответственно и в акте представления слова, как только знак становится выражением, он сразу же обретает предметное отношение, т. е. указывает на предмет, выражением смысла которого служит.

Однако интенция значения, полагающая предмет сигнитивного акта, нуждается в прояснении своего способа предметного отношения — в его подтверждении или отрицании, возможность которого ей предоставляет интуитивный акт созерцания. При наполнении «интенции значения» в соответствующем акте созерцания реализуется предметное отношение, полагаемое в сигнитивном акте лишь только символически, а это одновременно означает, что актуально (т. е. непосредственно, интуитивно) осознается отношение между предметом и именем, называющим этот предмет. В случае подтверждения «полагания» предмета «интенцией значения» смыслодающий акт («интенция значения») и наполняющий смыслом акт («наполнение значения») образуют «единство наполнения», в котором предмет интуитивного акта совпадает с предметом сигнитивного акта, а значению (или содержанию) смыслодающего сигнитивного акта соответствует значение (или содержание) наполняющего его смыслом интуитивного акта. Следовательно, когда сигнитивный акт сопровождается интуитивным актом, тогда значение смыслодающего акта выполняет свою познавательную функцию, для которой при этом безразлично, осуществляется ли подтверждение «полагания» предмета или, наоборот, оно отрицается.

Созерцание служит также для прояснения значений двусмысленных выражений, у которых интенция значения может наполняться в интуитивных актах различных не соотносимых по смыслу созерцаний. Таким образом, при различном направлении «наполнения значения» легко обнаруживается отличие «интенции значения» двусмысленных выражений.

Не всегда сигнификация сопровождается соответствующим созерцанием. Так, при образных или частично иллюстрирующих созерцаниях возможное наполнение бывает несовершенным или вообще может не реализоваться, так как образ, как пишет Гуссерль, не всегда выступает носителем значения. Подобным образом происходит в случае выражения абстрактных предметов (например, понятие корня в математике) или предметов, представляющих в сложных отношениях (например, наука, культура, религия), а также при назывании индивидуальных объектов — персон, городов, ландшафтов. У выражений, имеющих беспредметное значение, таких, например, как «Абракадабра», «Зеленое есть или...», «Круглый квадрат», наполнение невозможно *a priori*, так как в интендируемом, предполагаемом единстве наполнения переживается «несовместимость» частичных значений. Однако отрицать значение у абсурдных, т. е. неочевидных, выражений нельзя хотя бы потому, что значение находится не в акте созерцания, а в смыслодающем акте, который может осуществляться как при наличии соответствующего созерцания, так и без него. В случае же невозможности наполнения значение все-таки выполняет свою символическую функцию, поэтому знак, который стал выражением, с необходимостью имеет значение. Такие «непредставляемые понятия» Гуссерль называет «чистыми понятиями».

Значение по природе своей есть идеальное единство, сущность которого находится не в единичном случайно возникающем и исчезающем смыслодающем акте, а в его содержании, представляющем собой идентичное интенциональное единство относительно многообразия действительных или возможных смыслодающих актов, «интенций значения». Поэтому в повторяющихся номинальных или пропозициональных актах, согласно идеально-единому значению, полагаются идентичные понятия или положения. Значения, по мнению Гуссерля, образуют класс общих предметов или видов, однако значение, в котором мыслится вид, и предмет значения, т. е. вид сам, — не одно и то же, а две коррелятивно взаимосвязанные категории. Будучи общими предметами, сами значения делятся на единичные и общие относительно предметов, к которым они относятся, следовательно, категориально понятия выражения могут указывать на категориально оформленные единства как идеальные виды. Сигнитивный акт обладает «сообразной со-значением» сущностью как конкретным проявлением идеального значения, которая совпадает с интенциональной сущностью акта, и только идеирующая абстракция такого акта дает значение в идеальном смысле.

В основании всех способов предметного отношения, в том числе и таких, как созерцание и мышление, лежит представление. Гуссерль вслед за Brentano утверждает, что любое интенциональное переживание либо само является представлением, либо имеет представление в своем основании. Это фундирующее представление как основополагающий способ предметного отношения Гуссерль называет объективирующим актом. Итак, какие же существенные моменты Гуссерль выделяет у класса объективирующих актов?

Понятие *представление* уже использовалось при описании качественных способов, характеризующих акты сознания как таковые. Однако, подчеркивает Гуссерль, представление, понимаемое как объективирующий акт, может существовать само по себе как конкретное интенциональное переживание, следовательно, является носителем материи и поэтому имеет непосредственное отношение к самому интендируемому предмету. Обширную сферу объективирующих актов составляют акты, весьма разнообразные как относительно качества (полагающие и неполагающие акты), так и относительно материи (номинальные и пропозициональные, тетические и синтетические акты), которые могут представлять интенциональный предмет интуитивно и сигнификативно, непосредственно и опосредованно.

Простым объективирующим актом является номинальное представление, которое может интендировать свой предмет как существующий. Номинальному акту, полагающему предмет как существующий, соответствует *a priori* возможный неполагающий номинальный акт, «чистое представление», обладающее той же самой материей, как и полагающий номинальный акт. Переход от полагающего акта к неполагающему акту и наоборот Гуссерль называет качественной модификацией, в которой материя остается идентичной, а изменение претерпевает качество. Качественная модификация может относиться только к объективирующим качествам, фиксирующим существование полагаемых предметов, и не затрагивает необъективирующие качества, а именно такие, например, как любовь, ненависть, радость, боль, желание и т. д. Качественная модификация значима только для актов и неприменима к предметам актов, поэтому идеальная возможность конституирования бытия интенциональных предметов рассматривается только в пределах сознания и не имеет никакого отношения к трансцендентным сознанию вещам.

Качественная модификация не только присуща номинальным представлениям, но и распространяется на суждения. Таким образом, утверждающему суждению, принимающему за истину полагание предмета как существующего, соответствует акт, «чисто представляющий» предмет суждения, т. е. воздерживающийся от вынесения истины или лжи относительно полагания бытия предмета. Предостерегая от неверных толкований относительно качественных модификаций, Гуссерль указывает на то, что нельзя полагающие акты понимать как акты, в которых полагание предмета как существующего подтверждается как истинное, иначе тогда все номинальные полагания приобрели бы функцию суждения, что неверно; точно так же нельзя неполагающие акты понимать как акты, в которых предмет полагается на основе воображения, ибо тогда воображение «включало» бы в себя все возможные неполагающие акты и тем самым «вышло» бы за пределы сферы чувственного воображения, что не допустимо.

Номинальный акт может переходить в пропозициональный акт и наоборот, т. е. полагающее имя преобразуется в соответствующее ему суждение существования, причем при переходе от полагающего номинального акта к акту утверждающего высказывания качество, по мнению Гуссерля, остается тем же самым, но меняется материя.

Благодаря тому, что атрибутивное представление возникает из предикативного суждения, оно может приниматься за модификацию этого суждения, которую Гуссерль называет «номинализацией», или «номинальным объективированием». Сущность номинального объективирования состоит, по мнению Гуссерля, в *a priori* возможном переходе синтетического способа сознания в тетический способ сознания. Суждение как

такое конституирует положение дел синтетическим способом, при котором один тезис (предикат) полагается на основании другого тезиса (субъекта), таким образом, суждение представляет собой класс «синтетических» актов и является составным объективирующим актом. Класс «тетических» актов составляют номинальные представления, которые фундируют суждения и соединяются в них посредством категориальных форм предикативного, конъюнктивного, дизъюнктивного синтеза. Категориальные синтезы также допускают номинальное объективирование, в котором становятся «предметными» или «представляется» их положение дел, следовательно, синтетическая материя преобразуется в материю номинального, только уже составного объективирующего акта. В любом составном акте могут быть выделены как синтетические формы, так и объединенные в них члены, тогда как простые объективирующие акты свободны от категориальных форм.

Номинальное объективирование может относиться ко всем актам и ко всем объектам вообще, причем может бесконечно повторяться, доказывая тем самым феноменологическую возможность такого акта, как представление представления. Неограниченное повторение номинальной объективации может приводить к синтетическим конструкциям большей или меньшей сложности.

Составные акты являются качественно комплексными и со стороны качества делятся на единообразные (имеющие только объективирующие качества) и на многообразные (содержащие помимо объективирующих качеств еще и необъективирующие качества). Материи частичных актов представляют собой части материи общего акта, причем артикулированная материя общего акта влечет за собой категориальную форму, которая всегда конституируется в фундированном акте. В составных актах Гуссерль различает два вида фундирования, которые в комплексных актах могут легко пересекаться. Во-первых, существует фундирование необъективирующих актов в объективирующих актах, при котором качество акта фундируется сначала в другом качестве акта и только затем в материи, ибо материя невозможна без объективирующего качества. Во-вторых, имеется также фундирование объективирующих актов в других объективирующих актах, в котором материя фундируется в других материях акта. Итак, структура объективирующего акта демонстрирует многообразие способов переживания интенционального предмета в сознании, а также указывает на возможность их динамического взаимодействия, основанного на соотношении качества и материи как двух конститутивных моментов интенциональности сознания.